

1.3. Из истории философской мысли

UDC 111.1

DOI:10.21146/1606-6251-2020-3/4-104-115

Ю.В. Кузин

МЫСЛЬ: ЗАПРЕТ ПАРМЕНИДА VS СВОЕВОЛИЕ ГОРГИЯ. Часть 1*

Аннотация: В работе развернута философская аргументация софиста Горгия Леонтийского, онтология и гносеология которого или не принимались в расчёт традицией философствования, или были заслонены его риторическим наследием. Впервые Горгий предстаёт мыслителем широкого спектра, чьи идеи нашли отклик в немецкой классической философии, французском экзистенциализме и в концепциях физики XXI в. с их многомировыми моделями и квантовым многообразием. Автор исследует речевую личность Горгия, видя в языковых играх, часто использовавшихся этим ритором, судебным оратором и «платным учителем красноречия», истоки современной аналитической философии языка. Важное место в статье уделено полемике Горгия с Парменидом, которая выходит далеко за узкие рамки «элеатовского вопроса».

Ключевые слова: Ничто, не-сущее, бытие/небытие, бинокулярный субъект, вещь, предмет, притворно-сущее, «кромка», антиномии, Логос, квантор существования «есть».

Кузин Юрий Владимирович – кинорежиссёр, сценарист, член Союза кинематографистов России (Свнкт-Петербург). Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, 16-я линия В.О., д. 77, кв. 39; e-mail: isjuminka@yandex.ru.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект № 14–03–00502а «Аргументированность и обоснованность знания в парадигме античной рациональности»).

Мысль о ничто беспредметна. Но когда предметом мысли становится беспредметность, у не-сущего появляется шанс. Такой шанс небытию дал Горгий Леонтийский – софист, чей трактат «О не-сущем, или О природе» дошёл до нас в парафразах Секста Эмпирика (Adv. Math. 7.65–87, DK 82 B3) и Псевдо-Аристотеля, или т.н. Анонима (De Melisso Xenophane Gorgia, V–VI). *Ничего нет: ни сущего, ни не-сущего, ни обоюдного*, утверждает Горгий (979a24). Своё «не-сущее» (τὸ μὴ ὄν εἶναι) софист противопоставил «сущему» (τὸ ἔόν) Парменида, хотя текстологи убеждены, что целью пародии был Мелисс с его работой «О природе, или О сущем» (Περὶ φύσεως ἢ Περὶ τοῦ ὄντος), название которой Леонтиец якобы отзеркалил в собственном трактате «О не-сущем, или О природе» (περὶ τοῦ μὴ ὄντος ἢ περὶ φύσεως) [1, 78].

Начав с традиционного зачина, автор усомнился в целесообразности историко-архивного подхода. Перечитал вступление: фразы застёгнуты на все пуговицы, проблема озвучена, действующие лица обозначены. А что, если переступить запрет Парменида *мыслить не-сущее как сущее*? Возразят: этот путь мнения ведёт к противоречию поскольку: 1) мысль о ничто беспредметна, а, следовательно, ничтожна; 2) обладающий беспредметным умом, ничтожен и как мыслитель. Логично. Но поскольку мысль о том, чего нет, «есть» опыт в условиях парадигматической инфляции, разве не разумно рассмотреть *бытие* мысли о небытии? Такое бытие возможно в трёх локусах: а) как отношение не-сущего к инобытию, т.е. к своему иному бытия, – отчасти по этому пути пошёл Платон в «Софисте»; б) как суверенная онтология, гносеология, эпистемология, где ничто не антипод бытия, не клиент, заимствующий у сущего предикаты, чтобы отрицать их, а – патрон, решающий: что, когда и как ничтожить в-себе и для-себя; в) как Логос, умиротворяющий антиномии, – этот *дидзесис* или *дзетесис* (путь поиска) Горгия автор и собирается исследовать.

Для начала приведём отрывок из поэмы «О Природе» Парменида в переводе М.Л. Гаспарова:

2 (2) Εἰ δ' ἄγ' ἐγὼν ἐρέω, κόμισαι δὲ σὺ μῦθον ἀκούσας,
αἴπερ ὁδοὶ μοῦναι διζήσιός εἰσι νοῆσαι
ἢ μὲν ὅπως ἔστιν τε καὶ ὡς οὐκ ἔστι μὴ εἶναι,

Πειθοῦς ἐστὶ κέλευθος – Ἀληθείη γὰρ ὀπιθεῖ – ,
[5] ἢ δ' ὡς οὐκ ἔστιν τε καὶ ὡς χρεῶν ἐστὶ μὴ εἶναι,
τὴν δὴ τοι φράζω παναλευθέα ἔμμεν ἀταρπὼν·
οὔτε γὰρ ἂν γνοίης τό γε μὴ ἐὼν – οὐ γὰρ ἀνυστόν –
οὔτε φράσαις.

*«Слово тебе изреку – склони же внимание слуха! –
Слово о том, какие пути подлежат разысканию.
Первый тебе указывает: «Есть!» и «Не-быть – невозможно!»
Это – путь Убеждения, оно же вслед Истине правит.
Путь же второй указывает: «Не есть!», «Не-быть – непременно!»
Этот путь – так я говорю – уводит в незнание,
Ибо тебе ни увидеть того, что не есть, невозможно,
Ни об этом сказать.*

3 (3) ... τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι.
...мыслить и быть — не одно ли и то же?

6 (6) χρῆ τὸ λέγειν τε νοεῖν τ' ἐὼν ἔμμεναι· ἔστι γὰρ εἶναι,
μηδὲν δ' οὐκ ἔστιν· τὰ σ' ἐγὼ φράζεσθαι ἄνωγα.
Быть тому, чтоб сказать и помыслить Бытное. Ибо
Есть лишь «Быть», а Ничтом — не есть: раздумай об этом!

8 (8) ... μόνος δ' ἔτι μῦθος ὀδοῖο
λείπεται ὡς ἔστιν.

На этом пути остается Только то, что Есть» [4].

Согласно элеату, нельзя помыслить пустоту, ибо мыслимое уже наличествует в бытии. В противном случае отсутствовало бы и мышление, оперирующее объектами. Таким образом, бытие присутствует по обе стороны от ума: оно и в вещах, данных созерцанию, и в феноменах. Это единство вещи и предмета и образует тождество бытия и мышления, ибо: «разуметь то же, что и существовать» (фр. В 3) (прим. 1), и в другом месте: «мышление и то, о чем мысль — не различимо» (фр. В 8, 34).

Парменида отличало трезвомыслие. Ведь если существует мысль, полагал он, то существует и сущее — то, что наполняет мысль, делает её существенной, а не порожней. Бытие «есть» в отличие от небытия, которого «нет», ведь бытие «не появилось и, следовательно, не может исчезнуть, оно целостно, в единственном числе, не

движется и не ограничено во времени» (В 8, 4-5). Не зная прошлого и будущего, оно пребывает «здесь и теперь»; будучи всегда «густым, непроглядным, одним» (В 8, 5-6), бытие «целокупно» (В 8, 22), лежит там, где лежало (В 8, 29), избавлено от чувственности и не имеет возраста (В 8, 40-41), пребывает в идеальной по форме сфере, каждая точка которой «равноудалена от центра» (В 8, 43-44).

Горгий не согласен. Против «Есть» Парменида он выдвигает тезис: «ничто не существует (οὐδὲν ἔστιν)»... кроме Логоса, добавим мы, в котором пребывают, удостоверяемые им, сущее, не-сущее и обоюдное. Это означает, что тождеству бытия и мышления Парменида, сказавшему: «...τὸ γὰρ αὐτὸ νοεῖν ἐστὶν τε καὶ εἶναι (...мыслить и быть – не одно ли и то же?)», а в другом месте: «одна и та же вещь и для мышления, и для существования» [Парменид: DK I, 217-246], Горгий противопоставляет тождество мысли и ничто. Каждое из этих тождеств внутренне противоречиво, а их целокупность вызывает вопросы.

Ясно, что вещь и предмет не одно, ведь бытие сущее (посредством вещей) и бытие предметное (посредством феноменов) разные способы *бытийствовать*. Включённые в натуральный ряд, вещь и предмет дают число 2, что открывает ящик Пандоры для каких угодно арифметических последовательностей. К тому же, удостоверяя вещи посредством квантора существования «есть», ум привносит в бытие экзистенциальную подоплёку, что чревато аберрациями познания. Ведь (как абсолютный ноль) сознание содержит уже произведённую операцию с натуральными числами – их обнуление. Сознание – то, что *флуктуирует-в-себе*, задаёт координаты, алгоритмы, правила, предоставляет бесконечную прямую для высадки натуральных чисел по обе стороны от нуля. Но сознание никогда не станет 1 или – 1, хотя потенциально содержит множества и подмножества, будучи их сухим остатком. Видя решение проблемы местопребывания ничто в Логосе, Горгий набивается к не-сущему на роль спикера, сделав предметом мысли *бесформенность, бессодержательность, бессубстратность*. При этом Логос Леонтийца онтологически нейтрален, он лишь соприкасается с бытием/небытием плоскостью сиюминутного, – той гранью, которую Гуссерль называл ретенцией (от retention – удержание), а

экзистенциалисты – «вот-бытием» или «теперь». Соприкасаясь «кожей» с ничто и бытием, мысль остаётся субстантивно нейтральной, *притворно-сущей*, т.е. тем, что в Софисте Платон назовёт τὸ μῦδαμῶς ὄν, *никоим образом не сущим* (237b).

Итак, мысль обретается на «кромке» сущего/не-сущего как притворно-сущее. Исследуя *инаковость* мысли, – быть пересмешницей сущего и наперсницей не-сущего, – Горгий приходит к выводу: ничего нет: ни сущего, ни не-сущего, ни обоюдного. Его интересуют каузальность и казуальность, последствия философических размолок для формы, претерпевающей онтологизацию, гипостазирование и энтелехию, а именно: как мысль оформляется, что имплицитно из своего дальнего родства с бытием и небытием.

Горгий исследует бытие мысли, в которой пребывает *неявное/непредставимое*. При этом некоторые горгиеведы, желая выкурить проблематику ничто из научного дискурса, переводят οὐδὲν ἔστιν как «ничто существует», благодаря чему, как считает М.Н. Вольф, «трактат Горгия больше не выглядит пародией на элеатов и может быть поставлен на одну линию с решавшими элейский вопрос» [1, 112]. Подобная аргументация сомнительна. Во-первых, сие «прочтение» подвергает ревизии основополагающий тезис Горгия, ставя с ног на голову всю концептосферу софиста; во-вторых, хотя текстолог и называет свою гипотезу «рабочей», в МХГ, по признанию той же М.Н. Вольф, Аноним использует конструкцию «οὐκ εἶναι οὐδέν» (979a13), что не оставляет сомнений в твёрдости Горгия отстаивать негативную онтологию и гносеологию. И чтобы удостовериться, что основополагающий принцип Горгия «ничто не существует» не заблуждение, не паранойя и не пародия на элеатов, изучим парафраз Секста. За неимением возможности в рамках статьи воспроизвести греческий оригинал и его научный перевод, дадим сжатую компиляцию трактата, выполненную усилиями философа и текстолога Р.Б. Галанина.

«Вот парафраз парафраза Секста Эмпирика: Если есть не-сущее, то существовать должно то, что по определению не может существовать, или же оно существует и не существует одновременно, следовательно, абсурд. Далее, сущее тоже не существует, поскольку оно либо вечно, либо родилось во времени, либо то и дру-

гое вместе, но первое невозможно постольку, поскольку все сущее имеет начало, а вечное беспредельно, следовательно безначально, следовательно его нигде нет, далее, если оно не вечно, то оно откуда-то происходит, но если из сущего, то оно ничем от него не отличается, если же из не-сущего, то это абсурд, поскольку не-сущее не может что-либо породить, равно как оно не может быть вечным и временным одновременно, так как это противоречит закону тождества.

Следует добавить, что если сущее есть, то оно либо едино, либо множественно, но оно не едино, поскольку в таком случае оно должно быть либо количеством, либо непрерывностью, либо величиной, либо телом — а все это может быть делимо, следовательно, не едино. Множественным же оно не может быть потому, что множество есть соединение различных единств. А то, что сущее и не-сущее не суть одновременно, объясняется тем, что не-сущее будет тождественно в таком случае сущему в отношении бытия, что абсурд. Следовательно, ничего нет» [3, 139].

Вырванная из речевой ойкумены, мысль Горгия/Галанина мало походит на греческий оригинал, где плотность идей, риторических фигур, используемых софистом, работают как сосуды в кровотоке: вырежешь — кровоизлияние; закупоришь — тромб (др.-греч. θρόμβος — ком, сгусток). Ясно, что следует не рубить, а бережно развязывать *горгиев узел*. Но прежде разберём аргументы софиста: а) ничего нет: ни сущего, ни не-сущего, ни обоюдного; б) даже если что-то и «есть», то непостижимо, т.е. не объективируется: ни ноуменально, ни феноменально; в) если и постижимо (т.е. редуцируемо), то не выражено в речи, жесте, коммуникативном поведении, и, как следствие, не передаваемо от референта к адресату.

В первом приближении это означает: а) не только не-сущего, но и сущего «нет» за пределами ума, в противном случае следовало бы удостоверить их эмпирическое бытие, для чего вынести по каждому субъектное предикативное определение, — при этом ссылки на чувственную достоверность, очевидность, кажимость, здравый смысл (как критерии истины), не должны приниматься в расчёт; б) λόγος лишь маркирует непостижимое, но не проговаривает его ни вслух, ни на письме, что обнаруживает принципиальный дуализм

кантовского теоретического разума (нем. Vernunft) и рассудка (нем. Verstand); не лежит ли вина за похищение сущего в не-сущее на субъекте, не применившем диалектику бытия-небытия, спрашивает Горгий, и «распечатывает уста» антиномическим парам, чтобы сам Логос сделал то, на что не отважился ум, т.е., засучив рукава, дал дефиницию мышлению, в котором бытие/небытие не противопоставлены, а со-положены; в) логосы — трубы разного диаметра, что затрудняет циркуляцию знания между умами, а вина за «некоммуникабельность» полностью лежит на речи, которая, не будучи, ни вещью, ни феноменом, не репрезентирует сущее, а утаивает; затесавшись же в умы, сущее не узнаёт себя и в зеркале субъектности, а, став расхожей монетой индивидов, групп, страт, утрачивает и аутентичность. Но Горгий не агностик, как принято считать. И бытие, став предметом интеракций, не остаётся у него с носом, — ведь по Горгию λόγος домысливает всё, что сошло со сцены или топчется за кулисами, мучительно припоминая роль.

Таким образом, Горгий исследует вещи: как *действительные*, так и *мыслимые*. Мышление, по Горгию, обретают на кромке сущего и не-сущего, что предоставляет Логосу привилегию стороннего наблюдателя. Бросив вызов богине поэмы Парменида, для которой мышление — это всегда и только мышление о бытии, а небытие немислимо, Горгий ступает на шаткие мостки интуитивного поиска, отказавшись от проторенных элеатами путей познания: *возможного* («есть») и *невозможного* («не есть»). Вначале Горгий лишает Логос предикатов существования, а, столкнувшись с запретом Парменида мыслить не-сущее как сущее («нельзя ни высказать, ни мыслить “не есть”» (В 8. 8-9 DK), нарушает табу тем, что созерцает бытие мысли о небытии, для чего задействует неконвенциональные речевые имплицатуры (non-conventional implicatures).

«Здесь, — категорически утверждает М.Н. Вольф, — Горгий совершает “незаконный” переход от копулятивного смысла глагола “быть” к экзистенциальному, что вполне может рассматриваться как софистический прием» [2, 205]. В своей обстоятельной монографии текстолог упрекает ритора в неумении или нежелании различать формы глаголов «существует (ἔστι)» и «быть (εἶναι)». Полный же список претензий к Горгию/Пармениду находим у привер-

женцев «стандартной интерпретации» [7-9]. Едва ли не в каждой статье, монографии, обзоре этих учёных греки «считают ворон» на лекциях Готтлоба Фреге, который, живя двумя тысячелетиями позже, сам был бы не прочь побродить по «садам» Эпикура/Академа, или подобно перипатетикам (от греч. *peripatos* – прогулка) протирать штаны в Аристотелевском Ликее (на ногах). Увы, но попытки *учить* древних задним числом – методология, которую часто применяют, когда не знают как проникнуть в существо проблемы.

Напомним, что в логицизме, развивавшем идею сводимости математики к логике, Фреге различал: 1) «быть» тождества (Утренняя звезда есть Вечерняя звезда; $a=b$); 2) «быть» предикации, т.е. связка («Платон есть философ»; $P(a)$); (3) «быть» существования, выраженное: (а) значением экзистенциального квантора и символом равенства («Бог существует»; $(\exists x)(G=x)$), или (б) значением экзистенциального квантора и символом предикации («Существуют человеческие существа» / «Хотя бы одно человеческое существо существует»; $(\exists x)H(x)$); (4) «быть» включения в класс, т.е. родовая импликация («Лошадь есть животное с четырьмя ногами»; $(x)(P(x) \rightarrow Q(x))$) [6, 13–14].

И если признать, что текстологи правы, и софист на самом деле предумышленно использовал связку «есть» в экзистенциальном ключе (как предикат существования), что ему ставят в вину те, для кого только копулятивный смысл («Х есть Y») имеет значение, остаётся гадать, что же сам Горгий имел в виду, говоря: «*не-сущее есть не-сущее*».

Попробуем выяснить это, заново перечитав парафразы Секста и Анонима. Итак, наметив учение о противоположностях, Горгий выдвигает две триады тезисов: 1) сущее *есть* сущее; не-сущее *есть* не-сущее; сущее и не-сущее *есть* обоюдное (т.е. тождество); 2) сущее *не-есть* сущее; не-сущее *не-есть* не-сущее; сущее и не-сущее *не-есть* обоюдное, что эквивалентно не-существованию ни сущего, ни не-сущего, ни их тождества, – буквально οὐδὲν «ничто», «пустота», «нуль» (979a 18–24). Чистое расстояние от сущего к «сущему» (по Горгию) измеряется актами сознания, где «есть» как презумпция «Я» и квантор существования указывает на время, которое требуется Логосу, чтобы конституировать бытие/небытие.

И в самом деле, вначале Горгий удостоверяет бытие субъектов [сущего] и [не-сущего], затем предикатов [«сущего»] и [«не-сущего»], затем рассматривает модальности, при которых не существуют (небытийствуют) вышеуказанные субъекты и предикаты. При этом следует помнить, что сущее и «сущее», не-сущее и «не-сущее» у Горгия не синонимы одного и того же понятия, т.е. не тождественны. Горгий различает закавыченное и не-закавыченное слово как ноумен и феномен. Упорство, с каким софист применяет *есмь*, *есть*, *суть* в значении «становиться быть», «существовать», — латинское *est*, английское *is*, немецкое *ist*, — говорит о понимании им экзистенциальной проблематики. По Горгию, переход от феномена к ноумену обеспечивает чистое созерцание. Здесь *λόγος*, выявляя антиномии, предписывает вещам бытийствовать в соответствии с тем, что они «суть». И Горгий опирается на презумпцию, в силу которой только субъект «снимает (*Aufhebung*)» противоречие между антиномиями. Такое снятие достигается двойным «отрицанием (*Verneinung*, *Negation*)», что позже Гегель разовьёт в категорию «становление (*Werden*)». Рассматривая небытие как «своё иное» бытия, софист ставит проблему *для-себя* задолго до Сартра, при этом сущевительное, прежде присоединявшее предикаты, Горгий возводит в ранг Абсолютного субъекта, фундирующего бытие/небытие.

Горгий задирист. Но, желая насолить элиатам, он всё же честен перед ними. Нарушая «запрет» Парменида *мыслить не-сущее как сущее*, софист отстаивает право Логоса удостоверять вещи — как эмпирические, так и идеальные. Как сущее *сущностится*, а ничтом *ничтомжит*? Что обуславливает цели и способы бытийствования/ничтомжения? Если скажут, что — Бог, Логос, Иное, — то кто или что ими повелевает?

Горгий ненасытен. Между строк, сквозь скепсис Секста и критику Анонима, его мысль устанавливает для «есть» и «не-есть» не предикационные, не копулятивные, а экзистенциальные процедуры *идентификации/аутификации*. Но при каких обстоятельствах, спрашивает Горгий, существенное сущности вещей не сверкает пятками, оставляя ум с носом? Каков критерий удостоверения феномена и ноумена? Что имманентно вещам, поддерживает их тождество, делает истинно-сущими, а что, выдавая себя за та-

ковое, на поверку оказывается притворно—сущим? Ответы Горгия радикальны. И разбору аргументов софиста мы посвятим отдельную статью.

Сокращения

DK — Принятое международное сокращение при цитировании фрагментов текстов досократиков по изданию: Die Fragmente der Vorsokratiker / Griechisch und deutsch H. Diels; elfte Auflage herausgegeben W. Kranz. V. I. Zurich, Berlin: Weidmannsche Verlagsbuchhandlung, 1964; DL — Diogenes Laertius. De vitis et placitis philosophorum. — Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов; Gorg. — Plato. Gorgias. — Платон. Горгий; MXG — Anonimus (Pseudo—Aristoteles). De Melisso Xenophane Gorgia. — Аноним (псевдо—Аристотель). О Мелиссе, Ксенофане, Горгии; Pyrrh. Nup. — Sextus Empiricus. Pyrrhoneae Nupotyposes. — Секст Эмпирик. Три книги пирроновых положений.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Вольф М.Н.* Софистика. Горгий Леонтийский: трактат «О не-сущем, или О природе» в современных интерпретациях: учеб. пособие. — Новосибир. гос. ун-т. — Новосибирск: РИЦ НГУ, 2014. — 249 с.
2. *Вольф М.Н.* Трактат «О не-сущем, или о Природе» Горгия в De Melisso Xenophane Gorgia, V-VI: условно-формальная структура и перевод // СХОЛН. Vol. 8. 2. ч. — 2014. — С. 198-216.
3. *Галанин Р.Б.* Риторика Протагора и Горгия. — СПб: Издательство РХГА, 2016. — 264 с.
4. *Гаспаров М.Л.* Эллинские поэты VIII—III вв. до н. э. — М.: Ладомир, 1999. — 194 с.
5. *Dillon J.* The Greek Sophists / Translated by J. Dillon. — London: Pinguin books, 2003. — 464 с.
6. *Haaparanta L.* Frege's doctrine of Being // Acta Philosophica Fennica. — Helsinki. Vol. 39. — 1985. — P. 13—14.
7. *Kahn Ch. H.* The verb 'be' in Ancient Greek. Part 6: The verb 'be' and its synonyms: philosophical and grammatical studies. — Dordrecht: Reidel, 1973. — P. 614-615.
8. *Mourelatos A.* The Route of Parmenides: / Revised and expanded edition; with a new introduction, three supplemental essays, and an essay by Gregory Vlastos. — Las Vegas: Parmenides Publishing, 2008. — 457 p.
9. *Owen G.E.L.* Eleatic Question // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. — New York: Cornell University Press, 1986.

Источники

1. DK I, 217-246; Cornford F. M. (1939) Plato and Parmenides. Parmenides' way on truth and Plato's Parmenides.
2. Untersteiner M. (1958) Parmenide. Testimoniazze e frammenti.
3. Long A.A. (1963) The Principles of Parmenides Cosmogony. — «Phronesis» 8, p. 90—107 (repr.: R.E. Allen, D.J. Furley (eds.).)
4. Studies in Presocratic Philosophy. L., 1975, vol. 2, p. 82—101.
5. Mourelatos A.P. (1970) The Route of Parmenides: A Study of Word, Image, and Argument in the Fragments. New Haven.
6. Tarán L. (1965) Parmenides. A text with transl., comm. and critical essays. Princeton.
7. Bormann K. (1971) Parmenides. Hamb.

Примечания

1. Нумерация фрагментов — по изданиям: H. Diels — W. Kranz. Die Fragmente der Vorsokratiker 10. Aufl. — Berlin, 1961; Parmenides. Ed. L. Taran. 1974.

Yuri V. Kuzin

THOUGHT: THE PROHIBITION OF PARMENIDES VS THE WILLFULNESS OF GORGIAS. Part 1

Member of the Union of cinematographers of Russia, film Director, screenwriter. 16th line V.O., 77, apt. 39 St. Petersburg, 199178, Russian Federation; e-mail: isjuminka@yandex.ru.

Annotation: *The paper presents the philosophical arguments of the Sophist Gorgias of Leontius. For a long time, he was considered a judicial orator, rhetorician, teacher of eloquence. It's time to talk about Gorgias as a philosopher. His ontology, epistemology, and epistemology are as important as his rhetorical legacy. In this article, Gorgias appears as a broad-minded thinker. His ideas were echoed in German classical philosophy and French existentialism. Its cosmology was in tune with the concepts of physics of the XXI century. Gorgias is at the origin of the idea of an infinite number of Universes and quantum worlds. The author explores the speech personality of Gorgias, his games with language, his experiments with the genres of literature, poetry, and rhetoric. Gorgias had a great influence on the modern analytical philosophy of language. An important place in the article is given to the controversy between Gorgias and Parmenides, which goes far beyond the narrow limits of the «Eleatic question».*

Key word: *nothing, non-being, being/non-being, binocular subject, thing, object, pretend-being, “edge”, antinomies, logos, quantifier of existence “is”.*

REFERENCES

1. Vol'f M.N. Sofistika. Gorgiy Leontiyskiy: traktat «O ne-sushchem, ili O prirode» v sovremennykh interpretatsiyakh: ucheb. Posobiye. — Novosib. gos. un—t. — Novosibirsk: RITS NGU, 2014.
2. Vol'f M.N. Traktat «O ne-sushchem, ili o Prirode» Gorgiya v De Melisso Xenophane Gorgia, V-VI: uslovno-formal'naya struktura i perevod // SCHOLI. — Vol. 8. 2. — 2014. — S. 198-216.
3. Galanin R.B. Ritorika Protagora i Gorgiya. — SPb: Izdatel'stvo RKHGA, 2016. — 264 s.
4. Gasparov M.L. Ellinskiye poety VIII-III vv. do n. e. — M.: Ladomir, 1999. — 194 s.
5. Dillon J. The Greek Sophists: / Translated by J. Dillon. — London: Pinguin books, 2003. — 464 s.
6. Haaparanta L. Frege's doctrine of Being // Acta Philosophica Fennica. — Helsinki. Vol. 39. — 1985. — P. 13-14.
7. Kahn Ch. H. The verb 'be' in Ancient Greek. Part 6: The verb 'be' and its synonyms: philosophical and grammatical studies. — Dordrecht: Reidel, 1973. — P. 614-615.

8. *Mourelatos A.* The Route of Parmenides / Revised and expanded edition; with a new introduction, three supplemental essays, and an essay by Gregory Vlastos. — Las Vegas: Parmenides Publishing, 2008. — 457 p.

9. *Owen G.E.L.* Eleatic Question // Logic, Science, and Dialectic: Collected Papers in Greek Philosophy / Ed. by M. Nussbaum. — New York: Cornell University Press, 1986.

Статья поступила в редакцию — 29.07.2020 г.

UDC 101.8

DOI:10.21146/1606-6251-2020-3/4-115-130

А.Д. Сухов

И.В. СТАЛИН И ПРОБЛЕМЫ СТРОЯЩЕГОСЯ СОЦИАЛИЗМА

Аннотация: Четыре исторические личности не отделимы от истории материалистической диалектики. Маркс и Энгельс — ее создатели. С ее помощью Ленин прокладывал путь к социализму. Сталин — философ-диалектик строящегося социализма. Можно утверждать, не впадая в преувеличение, что создание социалистического общества, первого в мире, — дело Сталина. В его работах получила новое освещение проблема: как соотносить общественный переворот, возвещающий о становлении коммунистической формации, с тем количеством и мерой, которые служат ее обеспечению. Маркс и Энгельс исходили из того, что социальная революция явится коллективной, охватит группу передовых стран. Однако подобное предположение (гипотеза) практического подтверждения не получило. Провозвестником новой трактовки стал Ленин, писавший о возможной победе социализма первоначально в немногих странах, даже в отдельно взятой стране. Но победа социализма в государстве, оставшем в

Сухов Андрей Дмитриевич — доктор философских наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д.12, стр.1; e-mail: ebutuzkina@yandex.ru.
